

ПУШКИН И ПУШКИНИСТЫ

«ДНЕВНИК №1»

В момент смерти Пушкина, в половине третьего пополудни, 29 января 1837 г. Жуковский остановил часы.

Спустя три четверти часа после кончины Пушкина, когда тело вынесли в ближайшую горницу, Жуковский «запечатал кабинет своею печатью». Он исполнял повеление Николая I, сказавшего ему еще накануне смерти поэта: Тебе же поручаю, если он умрет, запечатать его бумаги. Ты после их сам рассмотришь». Об этом рассказал Жуковский в своем известном письме к отцу поэта, Сергею Львовичу, о последних днях жизни Пушкина.¹

Повеление императора было неукоснительно исполнено, но не совсем так, как думал Жуковский: — « в помощь» ему был назначен начальник штаба корпуса жандармов генерал-майор Леонтий Васильевич Дубельт. Он-то и рассмотрел все рукописи Пушкина, а роль Жуковского была — присутствовать, в сущности, в качестве понятого, при своего рода, «посмертном обыске» кабинета Пушкина.²

«Нужно отдать справедливость Дубельту, — пишет М.А.Цявловский, дело по разбору бумаг Пушкина он провел с достаточной тщательностью и вниманием. Занятиям его велся «Журнал», документ исключительной важности в истории рукописей Пушкина.³ «Журнал, веденный при разборе бумаг покойного Александра Сергеевича Пушкина», заполнялся с перерывами с 7 февраля по 15 марта 1837г., в двух экземплярах, для Жуковского и Дубельта и подписывался ими обоими.⁴

20 февраля в журнале записано: «Просмотрен журнал Пушкина»⁴ Это был известный нам дневник поэта 1833-1835 гг.⁵

Пушкин писал дневник в тетради /альбоме/ большого формата в

твердом переплете, скрепленном замком, жандармы сорвали, замок и на внутренней стороне передней крышки переплета при осмотре обнаружилась помета: «№2.»

Поскольку «ни в описях протоколов, ни в описи, представленной Николаю, нет и намек на то, что дневник был в двух тетрадах»⁶ М.А.-Цявловский провел сравнение описей разных протоколов. Это привело ученого к бесспорному выводу о том, что в день смерти Пушкина в его кабинете была лишь одна тетрадь дневника, что же касается пометы «№ 2», М.А.Цявловский обоснованно предположил, что она относится к нумерации рукописей, составленной Дубельтом.⁷

25 февраля 1837г. экземпляр описи всех рукописей Пушкина /«дубельтовский»/ был представлен Николаю для просмотра.⁸

Рукописи Пушкина долго хранились на квартире Жуковского. Во второй половине 50-х годов, по семейному соглашению, за исключением писем к Наталье Николаевне, они перешли в собственность старшего сына поэта, Александра Александровича и, в ознаменование открытия в 1880г. в Москве памятника Пушкину, были переданы им в библиотеку Румянцевского музея, где стали доступны для всех. Только одну рукопись, дневник отца, Александр Александрович оставил у себя. В течение нескольких десятилетий сын поэта, ревниво оберегавший дневник от посторонних глаз, давал разрешение на публикацию его отдельных мест.⁹ После смерти Александра Александровича в 1914г. дневник перешел к его сыну, пока, наконец, в 1919г. не оказался в библиотеке Румянцевского музея.¹⁰

Так было положено начало научному изучению дневника. В 1923 г. вышли сразу два его издания, московское и петербургское.¹¹

Естественно, как московский, так и петербургский редакторы дневника не могли пройти мимо таинственной цифры «№ 2» и дали ей объяснение.

В итоге своих, несколько расплывчатых, рассуждений московский редактор В.Ф.Саводник пришел к выводу о том, что помета «№2» относится к «иной группе бумаг» Пушкина, «первой» книги дневника не было, и дошедшая до нас тетрадь «№ 2» есть его единственный существующий текст.¹² Но с комментарием в петербургском издании дело оказалось сложнее. Так, редактор его несомненно, авторитетнейший пушкинист — того времени Б.Л.Моздалевский, указал, что существование еще одной тетради дневника «ничем не подтверждается», и таинственный «№ 2» скорее имеет отношение не «собственно к дневнику», а к какой-то тетради вообще. Это записано на с.У книги, но через несколько страниц, в статье другого замечательного пушкиниста, П.Е.-Щеголева, также предваряющее издание, читаем: «До нас дошел не весь дневник Пушкина, то, что печатается теперь, воспроизводит рукописную тетрадь № 2, тетрадь же № 1 нам не известна».¹³

Следующая страница в истории дневника Пушкина связана с именем дочери А.А. Пушкина от его второго брака Елены Александровны Розенмайер /1889-1943/. Елена Александровна была фрейлиной, после

революции оказалась в Константинополе, где до 1923г. еще оставалась переводчиком, драгоманом, русского посольства в Турции. Приблизительно в 1924 г. Е.А. сообщила о наличии у нее некоторых пушкинских реликвий, а главное — неизданного дневника не то в 1011, не то в 1100 страниц! М.А. и Т.Г. Цявловские, которые тщательно фиксировали все события, связанные с поисками пушкинских рукописей, начиная с 20-х годов, посвятили этой истории немало внимания. И в 1971 г. Т.Г. Цявловская опубликовала специальное исследование о поисках неизвестного дневника.¹⁴

Напомним следующее: Е.А. Розенмайер никому не показывала якобы находящийся у нее огромный неизданный дневник Пушкина, сказала только, что ранее 1937г. он не может быть опубликован. Очень нуждавшаяся, она вела переговоры то о передаче его в Пушкинский дом, то о продаже известному коллекционеру А.Ф. Онегину.

Наступил 1937г. Дневника так никто и не увидел.

Возник закономерный вопрос: не выдумала ли Е.А. Розенмайер версию о существовании неизвестного дневника? Ведь такое предположение, как справедливо считал Б.Л. Модзалевский, а затем М.А. Цявловский ничем не подтверждается! Важно было и мнение хранителя рукописей Румянцевского в музея Г.П. Георгиевского, который «совершенно категорически» отрицает возможность такого, то есть, во всяком случае, он ручается, что у Александра Александровича Пушкина его не было.¹⁵

Так, по записям Цявловской, «надежды и сомнения» пушкинистов «сменяли друг друга!» Е.А. Розенмайер в полной нищете умерла в Ницце в 1943г.¹⁶

Дело о неизвестном дневнике Пушкина можно было считать вполне законченным. В 1967г. в Пушкинском доме была проведена графическая экспертиза цифры «№2» на внутренней стороне переплета тетради-альбома дневника Пушкина. Экспертизу провели Н.В. Измайлов, Т.Г. Цявловская и О.С. Соловьева. Эти лучшие специалисты по чтению рукописей Пушкина установили, что помета сделана рукой Дубельта.¹⁷

Вот что мы читаем об этом в записях Т.Г. Цявловской за 1970 г.: «Несколько лет тому назад в Московском музее Пушкина состоялся обмен мнений о так называемом дневнике». На этот раз спор велся между И.Л. Фейнбергом, с одной стороны, и Н.В. Измайловым и Т.Г. Цявловской, с другой. Первый отстаивал версию о существовании дневника №1, а два оппонента ему активно возражали.¹⁸

Фейнберг потратил не один год на поиски неизвестного дневника Пушкина, его статья о пропавшем дневнике датирована еще 1962 годом.¹⁹

Что говорили Фейнбергу: «Цифра «№2» написана не Пушкиным, а после смерти поэта — Дубельтом; никакого отношения к дневнику она не имеет».

К сожалению, в печати не был опубликован детальный отчет об этой дискуссии, и мы можем руководствоваться только указанными краткими заметками Цявловской. Но в 1976г. Фейнберг включил в свою но-

вую книгу статью 1962г. о пропавшем дневнике. В этом новом издании нет ни слова ни об экспертизе трех ученых 1967г., ни о заседании в музее Пушкина.²⁰ Ту же статью без всяких изменений Фейнберг печатает в последнем прижизненном издании. Такое обращение исследователя-историка с историческим фактом не только подрывает доверие к его концепции, но просто делает ее ненаучной.

Но каковы же аргументы Фейнберга? Дневник, пишет он, мог и не находиться в III отделении после «посмертного обыска», мог быть уничтожен, как «могущий повредить» памяти Пушкина». Разумеется, под «вредом» для памяти Пушкина император мог понимать наличие в дневнике резких антиправительственных высказываний поэта. Другое возможное обстоятельство, рассуждает Фейнберг, — дневника по каким-то причинам не было в день смерти поэта в его кабинете.

Если проследить за ходом рассуждений Фейнберга, то главное слово в них — «мог». «Мог» находиться, «мог» и не находиться. «Мог» быть уничтожен, «мог» и не быть уничтожен! — И все в таком роде. Так, ничем не подкрепленные предположения создают ничем не подкрепленные выводы.

А вот как обстоят дела в действительности. Читаем запись в дневнике от 21 мая 1834 г.: «Кто-то сказал о гос./ударе/и далее по-французски: «В нем много от прапорщика и немного от Петра Великого» / 7X11,330,487/. П.Е. Щеголев сразу догадался: «Этот кто-то, конечно, сам Пушкин.»²¹ Фейнберг понимал, насколько слабы выдвинутые им версии и потому сосредоточил все внимание на одной гипотезе — о том, что неизвестный дневник Пушкина находится у английских потомков младшей дочери поэта, Натальи Александровны /1836-1913/.

Нам не обойтись без краткого упоминания родственных связей потомков дочери поэта Натальи Александровны. Их Фейнберг считал возможными владельцами неизвестного дневника. Родословная таблица их была составлена Т.Г.Цявловской, и здесь даются лишь некоторые пояснения.²²

Жизнь младшей дочери Пушкина сложилась весьма драматично. В первом браке она была замужем за гвардейским офицером М.Л.Дубельтом, сыном «того самого» Дубельта. Дубельт—сын подвергал ее побоям, и в 1868г. Н.А. добилась развода. Тогда же она вступила в брак с германским принцем Николаем Нассауским, и у нее родилась дочь Софья /1866-1927/. Поскольку Н.А., по рождению не, принадлежала к владетельному дому, брак этот считался неравноправным /morganaticеским/, а Н.А. получила титул графини Меренберг. Ее дочь Софья в 1891г. вышла замуж за великого князя Михаила Михайловича Романова. Так внучка Пушкина стала женой внука Николая I. Александр III согласия на этот брак не дал, и супруги навсегда остались в Англии. Софья получила титул графини /леди/ Торби. У леди Торби были две дочери, Надежда и Анастасия. Надежда Михайловна после замужества оказалась в прямом родстве с принцем Манеттенем, родным дядей мужа нынешней английской королевы Елизаветы II. Другая

дочь Анастасия Михайловна, леди Зия, к которой перешел архив матери, леди Торби стала владелицей одиннадцати писем Пушкина к невесте и одного письма, к будущей теще — Н.И. Гончаровой. В 1927г. леди Торби обещала оставить после своей смерти С.П. Дягилеву одно письмо Пушкина, но не успела. В 1929г., почти перед самой смертью, Дягилев у ее семьи купил письма Пушкина и намеревался их опубликовать. Но тоже умер. После смерти Дягилева весь его архив был выкуплен С.М.Лифарем, роскошно издавшим хранившиеся у него подлинники писем.²³

Этот генеалогический обзор имеет прямое отношение к спорам о неизвестном дневнике. Не может быть так, чтобы на протяжении чуть ли не столетия лица, владевшие бесценным сокровищем /вспомним, что Е.А. Розенмвйер говорила о дневнике деда объемом в 1000 с лишним страниц/, никогда не обмолвились о его существовании. И — другой вопрос: откуда у этой больной, жившей на грани нищеты женщины, столь непомерного объема рукопись? Конечно, из семейных рассказов ей было известно, что ее отец не отдал в Румянцевский музей дневник деда. Дневник она не видела, это возбуждало ее фантазию и привело к сочинению сказки об огромной рукописи. Не знала она, живя во Франции, что в 1919г. Юлия Николаевна Пушкина везла на крыше вагона из Лопасни в Москву драгоценный альбом! Все исследователи, включая Т.Г. Цявловскую, к сожалению, повторяли слова знавшего Е.А. Розенмайер Н.И. Тютчева: — «Неумная, бесцветная». Но послушае другой голос — это дневник Бунина. «10 апреля 42г. Был в Ницце, Бюффа, Пушкина... Ее... нищенское существование».

«7 сентября 43. Вторник. Нынче письмо из Ниццы: Елена Александровна Пушкина умерла 14 авг. после второй операции. Еще одна человеческая жизнь исчезла из Ниццы — в чья же! Родной внучки Александра Сергеевича! И м.б. только потому, что по нищете своей таскала тяжести, которые продавала и перепродавала, чтобы не умереть с голоду!»

Этот рассказ дополняется записью в дневнике жены Бунина, Веры Николаевны: «Вчера получила печальное известие о смерти Лены Пушкиной. Бедная. Умерла, не выдержав второй операции. Помню ее девочкой -подростком в Трубниковском переулке с гувернанткой. Распущенные волосы, голые икры... Кто бы мог подумать, что такая судьба ждет Лену? Нищета, одиночество, смерть в клинике... Она была умна, но, вероятно, с трудным характером... Гордилась своим родом...»²⁴

Но был ли у английских потомков Пушкина «неизвестный дневник»? Новая эпоха дела окончательный ответ на этот вопрос. Этим мы обязаны отечественному ученому — кристаллографу В.М. Фридкину. По роду работы он часто бывает на международных конгрессах в Европе и Америке и сочетает основную деятельность с изучением материалов по русской литературе в архивах многих стран. Воспользовавшись пребыванием в Англии, он решил поехать к внуку леди Зии, сэру Николасу

Филлипу в его поместье Лутон Ху , близ Лондона .Сэр Николас подробно рассказал гостю о разговорах с леди Зией по поводу автографов Пушкина и мемориальных вещей, связанных с поэтом. И вот что он сказал о судьбе потерянного дневника Пушкина: «ей /леди Зии/ ничего об этом дневнике не известно». Свой рассказ сэр Николас закончил такими словами: «Если неизданный дневник Пушкинина существует, то его никогда не было в Англии»²⁵

Подойдем к нашей теме с другой стороны. Допустим — и это правда, что И.Л. Фейнберг весьма поверхностно и легкомысленно придумал гипотезу об английских потомках Пушкина как владельцах «пропавшего дневника». Но, может быть, Е.А. Розенмайер нечего не придумала, и каким-то образом рукопись Пушкина оказалась в ее руках. Выше мы уже говорили о том, что никакого дневника у внучки Пушкина не было. Теперь есть возможность проверить наше предположение — словами самой Е.А. Розенмайер. И мы уже знаем точную дату, когда эти слова были сказаны. 8 июля 1931г. в Медоне, на юге Франции, Марине Цветаевой довелось встретиться с Е.А. Розенмайер. Эту встречу она описала в мемуарном очерке «Встреча с внучкой Пушкина». Очерк, как всегда у Цветаевой, пристрастный: : «Белобрысая, белобровая, белоглазая немка, никакая, рыба, с полным ртом, приставшего к небу сала /жирно картавит/».

— У Вас есть какой-нибудь листок Пушкина?

Она с удовольствием и даже горделивой улыбкой:

— Ни-че-го. Папа все отдал в Академию наук.²⁶

Так мы узнаем от автора легенды о неизвестном дневнике Пушкина, что такого дневника у нее никогда не было.

И.Д. Фейнберг был так увлечен придуманной им историей неизвестного пушкинского дневника, что не считал нужным обременять свои построения какими-либо доказательствами. Поэтому спорить с ним невозможно, да и не нужно. Фейнберг предлагает целый набор версий: «Пушкин мог вести дневник и до осени 1833г., когда появилась в нем первая запись» ; «мог и не вести», «мог продолжать дневник и в 1835,и в 1836 году, и оттуда можно многое узнать о семейной драме поэта. ^Здесь для Фейнберга не имеет значения, что такое было бы для поэта совершенно невозможно психологически. Ему важно лишь одно -посеять у читателя мысль о возможности существования неизвестного дневника.

Но на одной пушкинской записи остановиться необходимо, Это знаменитое место дневника от 1 января 1834г.: «Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры / хотя это довольно неприлично моим летам/, но двору хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцевала в Аничкове. Так я же сделаюсь русским Dangeau / XII, 318 /. Во всех деталях отечественными пушкинистами личность маркиза де Данжо /1638-1720/, придворного при дворе Людовика ХIУ изучена. В течение 36 лет Данжо вел дневник, в который собирал «мелочные подробности о частной жизни короля.»²⁷

Применительно к нашей задаче эта запись может иметь следующее значение. Обратимся к хронологии. Пушкин выехал из Петербурга 18 августа 1836г. в длительную поездку — Нижний Новгород, Казань и Симбирскую губернию для собирания материалов по истории Пугачева, 1 октября поэт приехал в Болдино, и лишь 20 ноября возвратился в Петербург. Никаких дневников, естественно, он за это время не вел. И через четыре дня после возвращения домой появляется первая запись в дневнике — это и было его началом. И слова — «Так я же сделаюсь русским Данжо», — написанные спустя месяц от начала дневника есть план работы. Здесь главное слово — «сделаюсь», т.е. «буду писать как Данжо, начну писать, как Данжо».

Никаким «Русским Данжо» Пушкин, разумеется, стать не мог, но что идея вести дневник у него неизбежно оказалась связанной с новыми обстоятельствами жизни и осмыслением своей исторической роли — это бесспорно.

Таков конец истории «пропавшего дневника» Пушкина. Она поучительна. Мы видели трепетное отношение к ней всех, занимавшихся Пушкиным. Они понимали, что если есть хотя бы малая надежда найти дневник, поиски нужно продолжить. По-своему, того же хотел Фейнберг. Но он не желал мириться с бесперспективностью своих действий и упорно продолжал двигаться в пустоту. Он много сделал для изучения исторических трудов Пушкина²⁹, но в деле с «пропавшим дневником» не смог преодолеть искушений - «сделать открытие». А это уже не было наукой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. М.А.Цявловский. «Посмертный обыск у Пушкина». В кн.: ..А.Цявловский. Статьи о Пушкине.; М., Изд. АН СССР, 1962, с. 76. дальнейшие ссылки на эту статью, представляющую извлечение из неопубликованной до сих пор книги Цявловского « Истории рукописей Пушкина», даются «Цявловский».
2. Цявловский, с.279. Отношение Дубельта к Пушкину было всегда определенным. Когда в 1839г. А.А.Краевский опубликовал в «Отечественных записках» «неизданное стихотворение» поэта, Дубельт напасал издателю: «довольно этой дряни, сочинений-то вашего Пушкина при жизни его напечатано, чтобы еще и по смерти его отыскивать неизданные его творения, да и печатать их», /Цит. по кн: «Пушкин. Письма последних лет».Л., «Наука», 1969, с.400.
3. Цявловский, с.279-285.
4. Там же. с.287
5. А. С. Пушкин, Полное собр. сочинений в 16-ти томах. М-Л.Изд.АН СССР. Т.ХII, 1949, с.314-337, 437-439, 473-474.
6. Цявловский, с.295.
7. Там же, с.295-296.
8. По указанию императора, рукописи поэта, в том числе и дневник, были возвращены Жуковскому. Себе Николай оставил лишь копию французских записок бабки, Екатерины II, коротко написав карандашом на экземпляре описи III Отделения: «Ко мне» см. С.Сухонин. Дела III Отделения Собственной его Величества Канцелярии об А.С.Пушкине. СПб, 1906, с.197.

9. Цявловский, с.334.
10. Красочный рассказ об этом записал в 1956г. И.Л.Фейнберг со слов Юлии Николаевны Пушкиной, вдовы последнего владельца дневника внука поэта. Григория Александровича. Она жила тогда /в 1919 г./ в г. Лопасне, под Москвой. Собираясь в дорогу, она зашила большой по размеру дневник в холст и спрятала его под платье.Ехала она в Москву на крыше вагона, «дневник торчал так, что кто-то, не разобравшись сказал ей: «Туда же, беременная, а лезешь на крышу!» Юлия Николаевна дневник довезла и сдала под расписку хранителю Румянцевского музея Григорию Петровичу Георгиевскому, /см. Илья Файнберг. Пропавший дневник — в кн. Илья Файнберг. Загадочный набросок Пушкина, М., «ПРАВДА», 1978, с.42-43 / «Библиотека «Огонек» № 40/. В дальнейшем указывается: «Библиотека «Огонек».
11. «Труды Государственного Румянцевского музея. Дневник А.С. Пушкина., М., 1923./ В дальнейшем — «Московское издание»/. Дневник Пушкина, 1833-1835, М.— Пг, ГИЗ 1923 — в дальнейшем, -»Петербургское издание». «Московское издание» в основной части комментировал В.Ф.Садовник.
12. «Московское издание», с.30-31.
13. «Петербургское издание», с. V, XIV.
- 14.»Вокруг Пушкина», — «Наука и жизнь», 1971, № 6, с.с.67-76. Эту журнальную публикацию заметок Т.Г.Цявловской через тридцать лет сменила книга — М.и Т. Цявловские, Вокруг Пушкина, М., НЛЮ, 2000.
- 15.Там же, с.69. По отзывам хорошо знавшей его Т.Г.Цявловской, это был крайне неприятный человек. Получить у него рукопись Пушкина для работы было невероятно трудно. Это, впрочем, сочеталось у него с отличным знанием фонда Пушкинских рукописей в музее. До революции Георгиевский состоял членом Союза русского народа и очень не любил евреев. Он почему-то считал Сергея Михайловича Бонда, чисто русского человека, евреем / С.М. был потомком французского крестоносца из числа осевших когда-то на Кавказе после очередного крестового похода/. Переубедить Георгиевского было невозможно, так, встретившись в музее с К.П.Богаевской, он сказал : «Были Ваши «французы», Бонда, Эфрос!» (Абрам Маркович Эфрос работал тогда над книгой «Рисунки поэта» и часто бывал в музее вместе с Бонди.)
16. Вокруг Пушкина, 1971, № 6, с.73
17. Там же.
18. Там же.
19. И.Л.Фейнберг. «Неизвестный дневник Пушкина?»/»Огонек», 1962, № 7, с. 16-17.
20. Илья Фейнберг. Читая тетради Пушкина. Изд. 2-е., «Советский писатель», 1931,.с. 334-342.
21. «Петербургское издание», с. XXV. 22. Вокруг Пушкина, с.71.
23. М.Л.Гофман и Сергей Лифарь. Письма Пушкина к Н.Н.Гончаровой. Юбилейное издание 1837-1937. Париж 1935. Факсимиле писем исключительно качества, на той же бумаге /с возможным приближением/ что и подлинные письма. На с.24 воспроизведен трогательный и волнующий документ — снимки с обложек пакетов рукой Натальи Николаевны, в которых хранились письма Пушкина.

24. В. М. Фридкин. Пропаший дневник Пушкина. Рассказ о поисках в зарубежных архивах. М. «Знание», 1987, с. 181.
25. Там же с. 192.
26. Марина Цветаева. Собрание сочинений в семи томах. М., «Эллис Лак», т.4, 1994, с.602-604, 676-677.
27. Л.В.Крестова. Почему Пушкин назвал себя русским Данжо? / К вопросу об истолковании «Дневника» / — Пушкин. Исследования и материалы, Т. № М.-Л., изд. АН СССР, с. 267-277.
28. «Пушкин. 1833 год», «Пушкинское общество», 1933, с.с.71,74.
29. С.М.Бонди. Сокровища пушкинской прозы — «Литературная газета», 1955, 6 августа.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ Е. С. ШАЛЬМАНА

1. «План статьи о правах писателя» Пушкина. Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1964, т. XXIII, вып. 6. С. 531-538.
2. «Путешествие из Москвы в Петербург» А. С. Пушкина / Хронология и литературные отношения. Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1979, т. XXXVIII. № 3. С. 179-195.
3. «Письмо к издателю» (Пушкин, А. Б. Белинский) / Освободительное движение в России. Саратов, изд. Саратовского ун-та. 1978, вып. 7. С. 51-64.
4. «В гостях у Ахматовой». Советская библиография. 1991, № 2. С. 101-104.
5. «Пушкинист Ксения Богаевская» (к 80-летию). Русский язык и литература в киргизской школе. Бишкек, 1991. № 5. С. 45-46.
6. «А все-таки это Пушкин». Синтаксис. № 31. С. 110-118. Париж, 1991. № 3.
7. «Вокруг «Тени Баркова» (Письмо по поводу)». Независимая газета. 1992. 14 января.
8. «О М. Д. Беляеве и его книге». В книге «Беляев М. Д. «Наталья Николаевна Пушкина в портретах и отзывах современников». СПб, Библиополис. 1993. С. 109-111.
9. «Трудом наполненная жизнь» (о Т. Г. Цявловской). Библиография. 1993. № 2. С. 113-116.
10. «Красота. Доброта. Щедрость». Там же. С. 116-118 (совместно с К. П. Богаевской).
11. М. Д. Беляев. Об Алексее Максимовиче Пешкове и его окружении». Публикация, вступительная заметка и примечания. Библиография. 1992. №№ 3-4, 5-6. С. 2, 130-141, 164-175.
12. М. А. Цявловский. «Пушкин и Москва. Пушкин и греческая революция двадцатых годов XIX века». «Октябрь». 1994. № 6. С. 184-191 (совместно с К. П. Богаевской, публикация и комментарий).
13. «Как мы идем к юбилею Пушкина». «Столица». 1994. № 38. С. 57.
14. «Соперница Запретной розы». Стихотворение Пушкина К. А. Тимашевой». «Октябрь». 1995. № 2. С. 177-182.
15. А. С. Пушкин. «Тень Баркова» (контаминированная редакция М. А. Цявловского в сопоставлении с новонайденным списком 1812 г.) / М. А. Цявловский. Комментарии. Вводная заметка к тексту и публикация комментария. Philologica. 1996. № 5-7. С. 139-195, 154-157, 159-265.